

³² Там же. С. 17.

³³ Там же. С. 21.

³⁴ Zeeden E. W. Zur Periodisierung. S. 64.

³⁵ Ibid. S. 65.

³⁶ Я имею в виду научное наследие Александра Николаевича Немилова (1923–2002), единственного из отечественных ученых второй половины XX в., занимавшегося проблемой соотношения гуманизма и Реформации как исторических категорий с привлечением исследований А. Г. Вульфуса. Модель конфессионализации и новый взгляд на хронологию, уже столь долго и многопланово разрабатываемый зарубежными коллегами, до сих пор — вне поля зрения российских ученых.

А. В. Березкин

ИСТОРИК ГОСУДАРСТВА И ПРАВА АНГЛИИ К. А. КУЗНЕЦОВ

В середине 1980-х гг. в одной из работ, посвященной начальному этапу развития российской медиевистики, В. А. Якубский указал на одну «из основных проблем — осложненность той системы координат, в какую должен быть вписан объект» историографического исследования. «Во-первых, выбор темы. Круг привлеченных источников, уровень источниковедческой критики и концептуальной разработки нельзя не оценить с учетом обстановки в той стране, где родилась рассматриваемая книга или статья... Во-вторых, разбираемое суждение, гипотезу, концепцию нужно соотносить с тем, что уже было достигнуто мировой наукой»¹. В качестве специфики такого, вполне закономерного подхода, исследователь определил, что «двойные измерения способны <...> дать далеко не совпадающие и даже трудно сопоставимые между собой результаты»². Данный подход должен был воспрепятствовать в ширившихся историографических исследованиях монографического характера как возведению «местнотимых» фигур в ранг первооткрывателей, так и привычке помещать исследуемого автора в историографический вакуум и вообще всякого рода преувеличениям, когда случайные обмолвки историка прошлых лет выдавались за провозвестия более поздних историографических новаций.

Прошедшие без малого два десятилетия показывают, что сформулированная исследователем программа остается по-прежнему актуальной. Лучшим индикатором этого служит рутинный раздел из авторефератов — «научная новизна исследования». Сакраментальная фраза прежних лет — «впервые в советской историографии» легко узнаваема в современной формулировке — «впервые в отечественной историографии». Если фраза из недавнего прошлого имела некие логические основания, то современная формулировка вызывает ряд вопросов. Ранее допускалось, что «советская историография» — «марксистская историография», которой, в отличие от

буржуазной историографии, надлежало по известной формуле ставить изучаемое явление «с головы на ноги». Это, в свою очередь, обеспечивало аргументированную новизну любому советскому исследованию.

Нынешняя дефиниция произносится в условиях, когда было уже неоднократно провозглашено единство мировой науки. И дело, по-видимому, не только в творческих муках соискателей разного рода. Упорство, с каким за нее держатся исследователи отечественной исторической науки, объясняется тем, что первостепенное значение для объективной оценки творческого наследия историков имеет все же учет отечественной действительности. На последнее обстоятельство указывается и в упомянутой работе В. А. Якубского.

Вероятно, именно в свете российской действительности следует истолковать трагическую судьбу научного наследия одного из самых блистательных историков государства и права средневековой Англии Константина Алексеевича Кузнецова (1883–1953).

К. А. Кузнецов родился 9 сентября 1883 г.³ в городе Новочеркасске в семье видного деятеля народного просвещения, впоследствии ставшего инспектором народных училищ Первого Донского округа⁴. В 1902 г. он окончил местную гимназию. Общепризнанно, что на рубеже веков Новочеркасская гимназия, основанная атаманом Платовым и получившая в столетний юбилей Отечественной войны 1812 г. название Платовской, вошла в историю народного образования как одна из немногих лучших в то время классических школ⁵.

В том же 1902 г. Кузнецов поступил на юридический факультет Московского университета. Проучившись там в течение двух с половиной лет, он, не выходя из состава студентов университета, был отправлен за границу и три семестра слушал лекции на юридическом факультете Гейдельбергского университета. Его научным руководителем был выдающийся юрист Георг Еллинек. Выдержав летом 1906 г. экзамены по государственному праву, по международному праву и финансовому праву, а также предоставив работу, посвященную двухпалатной системе США, молодой ученый получил степень доктора философии. Интересно, что во время пребывания в Гейдельберге он стал заниматься историей музыки под руководством композитора и ведущего баховеда Вольфрума и получил степень магистра искусств. Что впоследствии круто изменило его жизнь.

Вернувшись в Россию в 1907 г., Кузнецов сдал экзамены на юридическом факультете Московского университета, где был удостоен диплома I степени об окончании университета и оставлен для приготовления к профессорскому званию по юридическому факультету. В 1909 г. он приступил к чтению лекций, получил звание приват-доцента после пробной лекции pro venia legendi и был командирован в Лондон для продолжения научных

занятий, где в течение двух лет работал, главным образом, в Британском музее.

С осени 1911 г. он возобновляет чтение лекций по истории политических учений в Московском университете. Стремительный рост карьеры молодого московского ученого странным образом прерывается назначением его в январе 1912 г. и. д. профессора Восточного института в г. Владивостоке.

Обстоятельства, приведшие к направлению подававшего большие надежды историка права в далекий Владивосток, напрямую связаны с известными событиями 1911 г. в Московском университете. В том году во время студенческих волнений полиция нарушила университетскую автономию. Ректор, профессор Мануйлов, и его заместитель-профессор Менсбир подали в отставку со своих постов. Министр народного просвещения Л. А. Кассо, усмотрев в этом политический демарш, уволил обоих из университета вообще. В знак протеста ряд выдающихся ученых покинул стены Московского университета: Н. Д. Зелинский, П. Н. Лебедев, К. А. Тимирязев, Е. Н. Трубецкой и др. В их числе был и будущий тесть К. А. Кузнецова — В. П. Сербский, основатель отечественной судебной психиатрии⁶. В этих условиях о преподавании в университете для Кузнецова не могло быть и речи.

Студенческие волнения в Московском университете и уход именитых профессоров — хрестоматийный сюжет в истории начавшегося с 1910 г. нового революционного подъема. В некоторой степени новый свет на последствия этих событий проливают два мемуарных свидетельства. Первое из них содержится в неопубликованных, к сожалению, воспоминаниях одного из последних учеников Е. Н. Трубецкого Александра Михайловича Ладыженского, крупнейшего отечественного правоведа советского периода⁷. События 1911 г. запечатлены А. М. Ладыженским глазами и студента тех лет, и умудренного опытом преподавателя: «Для нас, студентов (а я был в период “профессорского исхода” на втором курсе), он (“исход”. — А. Б.) не создавал тяжелого положения, и мы по-прежнему учились у своих прежних научных руководителей в Университете Шаняевского». К тому же «Е. Н. Трубецкой договорился с новыми профессорами, вступившими на их место, оставить нас при университете: [Н. В.] Устрялова, [Л. В.] Успенского и [С. Ф.] Кечекьяна — по теории права, [Г. В.] Ключникова и меня — по международному праву, а очень религиозного Н. Н. Фиолетова — по церковному праву. Любивший “пускать в оборот мо и мошки” Е. Н. Трубецкой говорил, что Cas sot — “глупый случай”, в котором повинен министр Кассо, не должен лишать университета достойных кандидатов в ученые и открывать двери преуспевающим канцеляристам, научным рептилиям. “Правда, ваши новые руководители вам мало что дадут, но вы по-прежнему можете заниматься у меня в Народном университете и в имении [Узкое. — А. Б.]. Особенно плохо будет Фиолетову, так как его руководитель [П.] Гидулянов (гид

улян — *guide où l'âne* — пастух там, где ослы) вполне оправдывает свою фамилию»».

На воспоминаниях другого рода, поначалу отложившихся в памяти шуткой наставника, оставил свой след жизненный опыт А. М. Ладыженского: «Демонстративный массовый уход из Московского университета был для видных и обеспеченных ученых очень на руку. Он привлекал к ним внимание широких кругов общества не только в России, но и за границей и в то же время не создавал для них больших материальных лишений. Совсем другое положение было у начинающих, молодых. Потерять Московский университет было для них не только лишиться заработка и почетной службы, но в значительной степени потерять надежду на научное продвижение, так как надо было переходить на практическую работу или на преподавание в менее видных учебных заведениях и даже в средней школе. Поэтому молодые ученые не так охотно подавали прошение об увольнении, чем старье. Но они не решались портить свои отношения со старшими товарищами, от которых зависели. Правда, для молодых ученых создавали в других высших учебных заведениях специальные курсы. В частности, в коммерческом институте, помимо торгового права, техники товароведения, бухгалтерии и т. д. или, как Трубецкой острил, “кульковых” наук, очень много было открыто курсов по философии, истории и юриспруденции. “Словом, коммерческий институт создан для вытравления коммерческого духа” — шутил князь».

События 1911 г. остро переживались на протяжении многих лет жизни всеми, прямо и косвенно вовлеченными в них, как одно из тех важнейших общественно-политических событий, которые заставляют человека определяться в своей социальной и нравственной позиции. Семья А. М. Ладыженского имела глубокие народнические корни (в числе его родственников был М. Р. Попов), выбор им юридической профессии не в последнюю очередь был вызван стремлением «стать политическим защитником, борцом за права личности», его товарищи по кружку Е. Н. Трубецкого «являлись противниками самодержавия». Но, как вспоминал позднее (в 1960-е гг.) А. М. Ладыженский, «общей политикой интересовались главным образом в связи с университетскими делами [1911 г.]».

Своеобразно преломились годы министерства Л. А. Кассо (1910–1914) в памяти занимавшегося в 1916–1918 гг. в Петроградском университете на положении студента или вольнослушателя М. М. Бахтина. В 1973 г. в его беседе с В. Д. Дувакиным речь зашла о «режиме Кассо»:

Д[увакин]: Но, простите, ведь при Вас был режим Кассо?

Б[ахтин]: При мне, при мне был, да.

Д[увакин]: Но ведь Кассо кого-то там сдал в солдаты.

Б[ахтин]: В конце, в конце режима Кассо. Ну, нужно сказать, Кассо... Ведь, знаете, вот эти... писавшие о Кассо, вообще о политике нашей универ-

ситетской, народного просвещения, настроенные революционно, — они страшно искажали факты. Кассо был человек очень умный, образованный, европейски образованный. Это был европеец, европеец. И в сущности, политика его была разумная, совершенно разумная. Он считал, что университет создан для того, чтобы в нем учились и получали знания. А в будущей жизни, после окончания университета, делайте, что хотите. <...>

Д[увакин]: Был громкий скандал, после которого все либеральные профессора ушли из Московского университета.

Б[ахтин]: Да-да. Было и у нас кое-что в Ленинградском, но ни один солидный профессор, которого мы ценили, не ушел и вообще в оппозиции не был»⁸.

С уверенностью можно предположить, что к уходу из Московского университета приват-доцента К. А. Кузнецова власть предержавшие отнеслись вполне равнодушно. Но сохранились два запроса начальника Владивостокского охранного отделения на имя директора Восточного института от 6 февраля и 2 марта 1913 г. с пометами «В собственные руки», «Совершенно секретно», «Лично» с просьбой предоставить сведения о К. А. Кузнецове⁹. Трудно сказать, были ли связаны эти запросы с выяснением политической благонадежности или планировавшейся в то время поездкой ученого в Японию. Личное дело К. А. Кузнецова отражает все необходимые этапы подготовки заграничных командировок, включая письмо в посольство России в Токио, как вполне рутинную процедуру. Повторный же запрос охраны от 2 марта 1913 г. свидетельствует о том, что директор Восточного института уже месяц как затягивал с ответом. Главным следствием вовлеченности К. А. Кузнецова в события 1911 г. был отъезд на далекую окраину России. Во Владивостоке дирекция Восточного института никогда не чинила препятствий К. А. Кузнецову в получении командировок за границу и продолжительного отпуска для защиты магистерской диссертации. Более того, в 1913 г. ему было «представлено право ношения на груди Высочайше учрежденной в память 300-летия Царствования дома Романовых светло-бронзовой медали»¹⁰.

Восточный институт — первое высшее учебное заведение на Дальнем Востоке России — был образован в 1899 г. Стоявшие у его истоков преподаватели и выпускники Санкт-Петербургского университета с самого начала на должный уровень поставили преподавание, комплектование библиотеки и научные исследования в области востоковедения. Последнее, вероятно, расходилось с более прагматичным замыслом правительства организовать школу военных, дипломатических и коммерческих переводчиков, но нашло поддержку со стороны приамурских генерал-губернаторов¹¹.

1 октября 1912 г. К. А. Кузнецов прибыл во Владивосток и уже 9 октября прочел в актовом зале Восточного института вступительную лекцию по курсу государственного права в присутствии приамурского генерал-губернато-

ра Л. Н. Гондатти и всего состава профессоров, преподавателей и слушателей института¹².

О лекторском мастерстве К. А. Кузнецова мы можем судить по сохранившемуся литографированному экземпляру вводной лекции по государственному праву (1912), серии учебных пособий по философии права и политико-правовым учениям (1916–1918). Их отличают обширная историко-правовая эрудиция, стремление познакомить слушателя с новейшей литературой вопроса и умение ясно и логично изложить сложные и противоречивые проблемы. В программной статье о реформе преподавания на юридических факультетах (1916) Кузнецов-преподаватель выказывает здравый смысл и изрядное чувство юмора в понимании того, что не всегда лектор способен снискать успех у аудитории: «Покойный Георг Еллинек со своими курсами по “теоретической” части государствоведения умел собирать аудитории, где негде яблоку упасть, а на его лекциях по действующему государственному праву было безлюдно, ибо было порядком таки скучно. На лекции по административному праву слушателей приходилось загонять угрозами “незачета”. Но и это едва ли помогало»¹³.

С первых месяцев преподавания в Восточном институте К. А. Кузнецов пытается вписаться в научный профиль института. С этим связана его командировка весной 1913 г. в Японию для ознакомления с ее научными и государственными учреждениями¹⁴. Но вхождение в новую специальность — востоковедение, по-видимому, нецелесообразно, поэтому в 1913 г. Кузнецов завершает и публикует «Опыты по истории политических идей в Англии (XV–XVII вв.)»¹⁵, которые 12 октября того же года успешно защитил в качестве магистерской диссертации по государственному праву на юридическом факультете Московского университета¹⁶.

Отчет о магистерском диспуте был напечатан в еженедельнике «Право»¹⁷. Работа была тщательно разобрана крупнейшими отечественными специалистами того времени: официальными оппонентами на диспуте выступили юристы — профессор С. А. Котляревский и приват-доцент Н. Н. Алексеев, третьим официальным оппонентом был историк, профессор Н. А. Савин.

В числе недостатков работы С. А. Котляревский назвал отсутствие разделов, посвященных Т. Смиту, Сельдену, Э. Коку, Бэкону, недостаточное освещение роли Реформации и влияния Ж. Бодена на английскую политическую мысль. В ходе диспута имела место полемика по поводу Дж. Фортеस्कью, которого Котляревский рассматривал как подведение итогов прошлого, а Кузнецов — как принадлежащего не только прошлому, но и будущему.

В отзыве Н. Н. Алексеева отмечалось, что в диссертации история политических идей дана в связи с историей политических учреждений и права.

Недооценку того, что было сделано до Кузнецова другими учеными, Н. А. Савин отнес на счет исследовательского честолюбия. Указав на чрез-

мерную экстенсивность исследования вместо интенсивности, он тем не менее, отметил столь детальное знание материала, что заключил: «Ваша книга имеет еще большее значение для англичан, чем для нас».

Голосование о присуждении искомой степени было единогласным.

По прошествии времени многие замечания, высказанные на диспуте, кажутся нам вполне справедливыми. Изъятие из поля зрения автора таких фигур, как Т. Мор и Ф. Бэкон, для самого Кузнецова было мотивировано, по-видимому, тем, что русский читатель имел в своем распоряжении отечественное исследование Е. В. Тарле¹⁸ и переводное с немецкого языка К. Фишера¹⁹. Однако отсутствие Мора и Бэкона как бы лишило исследование разности потенциалов, указывающей силовыми линиями напряжения на основные тенденции развития английской политико-правовой мысли в ее переломный период.

Небезосновательно, со свойственной мэтру ироничной снисходительностью, Н. А. Савин отметил исследовательское честолюбие Кузнецова: оно проявилось в эрудитском характере работы, опирающейся на рукописные, неизданные материалы и раритетные издания, во вполне аргументированной полемике с английскими публикаторами XIX в. по поводу отдельных атрибуций. Что касается оценки Кузнецовым Дж. Фортеस्कью, то его мнение совпало с выводами позднейших исследователей.

Судьба этой работы Кузнецова в отечественной историографии одновременно и парадоксальна, и закономерна: по-прежнему она остается непревзойденной по охвату имен и концепций; название книги присутствует в списке литературы во всех солидных исследованиях по данной теме, но, как правило, сама книга или вовсе не цитируется, или приводится по незначительным моментам. Это явилось прямым следствием того, что в последующий период ведущими темами явились история утопического сознания, формирование научного мировоззрения Нового времени. Книга Кузнецова оказалась на обочине «магистрального сюжета» советской историографии.

Быть может, именно после успешной защиты Кузнецов ощутил всю бесперспективность для себя в профессиональном плане дальнейшего пребывания в Восточном институте. 23 декабря 1913 г. он добивается перевода в Одессу в Новороссийский университет²⁰.

В Одессе у Кузнецова появляется возможность профессионального общения с коллегами: В. Э. Крусманом и П. М. Бицилли. С последним, насколько мы можем судить, у Кузнецова складываются вполне дружеские отношения.

В Одессе К. А. Кузнецов завершает свою последнюю книгу по истории английского государства «Английская палата общин при Тюдорах и Стюартах»²¹. Этот труд был защищен им 9 октября 1916 г. в качестве докторской диссертации на публичном заседании юридического факультета Харьковского университета.

Первыми двумя официальными оппонентами диссертации выступили юристы Н. И. Палиенко и А. Н. Фатеев, а со стороны историков в диспуте принял участие В. П. Бузескул. Именно он затронул в своем выступлении ту сторону взаимодействия юристов и историков, которая могла быть причиной отхода Кузнецова от историко-правовых исследований. «Я, — сказал В. П. Бузескул, — хотел выразить чувство благодарности и радости, которое в качестве историка испытываю, читая диссертацию. В последние годы юристы и историки, можно сказать, протягивают друг другу руку и рука об руку идут в выяснении явлений жизни. Особенно сказывается эта потребность совместной работы в изучении древнего мира, но это же течение обнаруживается и в Новое время». С точки зрения В. П. Бузескула, диссертант подошел к теме именно как историк: «Это обнаруживается не только в том, как ставится им вопрос, но также и в том, что он обращается непосредственно к источникам, к архивным данным»²². Даже если предположить, что такой опытный историограф, как Бузескул, верно оценил тенденции в сфере историко-правовых исследований, то это никак нельзя отнести к сфере преподавания юридических дисциплин. Здесь господствовал голый прагматизм. Студенты не видели практической надобности в историко-правовых знаниях. Увлечь студента-юриста историческими изысканиями, научить методике кропотливой источниковедческой работы — словом, основать свою школу было практически невыполнимо. Это обстоятельство, помимо других вероятных причин, обусловило дрейф Кузнецова в работах 1916–1918 гг. в сторону истории политико-правовых учений, дисциплины философской, умозрительной и (благо — все источники опубликованы) не требующей архивных изысканий. Несостоявшаяся школа, ученики также не способствовали закреплению приоритета исследователя в науке. Факт наличия или отсутствия школы не является в этом отношении решающим. Учитель может не продолжиться в учениках. Напротив, формально не имевший школы М. М. Бахтин обрел несметное количество адептов. Но исключения подтверждают правило, и пример тому сам Кузнецов: даже в разгар Первой мировой войны он продолжал пропагандировать в студенческой аудитории идеи своего учителя Еллинека.

Музыковедческие изыскания Кузнецова, начатые еще в годы юности в Германии, были продолжены им самим, а затем подхвачены его учениками в Московской консерватории уже в советское время. Кузнецов — историк права остался одинок.

Отход от истории права был обусловлен не только увлечением историей музыки, но и тем, что в условиях советской действительности он, как историк права, встал бы перед необходимостью принять марксистскую доктрину государства и права. Об отношении Кузнецова к марксизму сохранилось свидетельство в литографированной лекции 1912 г. Марксизм он рассмат-

ривает в ряду многих «движений научной мысли» и определяет «экономическим материализмом»; достаточно адекватно излагает учение Маркса и, главным образом, Энгельса и заключает: «Подобное монистическое понимание истории, однако, слишком односторонне, чтобы с ним можно было согласиться даже и по отношению к тому частному вопросу, который нас здесь занимает: к вопросу о созидании права»²³. Этот типичный для либерального профессора начала XX в. взгляд на марксизм был, разумеется, неприемлем в советский период.

В 1941 г. Кузнецов был упомянут Е. А. Косминским в статье о роли русских историков в разработке истории Англии, опубликованной в «Историческом журнале». В этой публикации сочувственно отмечены обе монографии Кузнецова как свидетельство возросшего в русском обществе начала XX в. интереса к политической истории, обусловленного «нарастанием революционной ситуации, а потом и революции 1905 г.»²⁴. Таким образом, было актуализировано, несомненно, с самыми добрыми намерениями, творческое наследие русского либерального профессора, ученика Георга Еллинека.

Начиная с 1920-х гг. творчество К. А. Кузнецова всецело связано с Московской консерваторией, где он заведовал кафедрой, и принадлежит истории отечественного музыковедения. К истории права Кузнецов больше не обращался.

Примечания

¹ Якубский В. А. К вопросу об освещении начального этапа развития отечественной медиевистики // Изучение и преподавание историографии в высшей школе. Петрозаводск, 1985. С. 54.

² Там же.

³ Все даты приводятся по старому стилю.

⁴ Сведения биографического характера приводятся по документам ЦГИА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 89. Д. 650. Л. 7 и след.; Ф. 418. Оп. 316. Д. 471. Л. 21–25 об.

⁵ Очерки истории Новочеркасской войсковой гимназии. Новочеркасск, 1907; Новочеркасск и Платовская гимназия в воспоминаниях и документах. М., 1997. Вып. 1–3; Тахо-Годи А. А. Лосев. М., 1997.

⁶ Жена Кузнецова Зинаида Владимировна Сербская, выпускница историко-философского отделения Московских высших женских курсов 1908 г., была любимой ученицей Д. М. Петрушевского. О ее жизни и деятельности см.: Березкина Н. И. Зинаида Владимировна Сербская (1883–1919) // Березкина Н. И. Огонь зажигается от огня. История просвещения Приморья в лицах. Владивосток, 1996. С. 60.

⁷ С текстом воспоминаний мы познакомились благодаря любезности вдовы А. М. Ладыженского Е. М. Филатовой.

⁸ Бахтин М. М. Беседы с В. Д. Дувакиным. М., 2002. С. 76. Такая оценка революционного эпизода 1911 г. в беседе с вполне советским по своему мировоззрению человеком обусловлена многими факторами: личностью самого М. М. Бахтина, общим для сравнительно широкого круга интеллигенции начала 1970-х пересмотром отношения к революционному прошлому. Наконец, М. М. Бахтин никогда не забывал, что его собеседник — свидетель защиты на суде над А. Синявским.

⁹ ЦГИАР ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 617. Л. 45, 46.

¹⁰ ЦГИАР ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 617. Л. 50.

¹¹ Подробнее см.: Ермакова Э. В. и др. Дальневосточный государственный университет. История и современность. 1899–1999. Владивосток, 1999.

¹² ЦГИАР ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 394. Л. 3.

¹³ Кузнецов К. А. О некоторых изменениях в организации преподавания на юридических факультетах // Вестник права. 1916. № 13. С. 330.

¹⁴ ЦГИАР ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 617. Л. 24.

¹⁵ Кузнецов К. А. Опыты по истории политических идей в Англии (XV–XVII вв.). Владивосток, 1913.

¹⁶ ЦГИА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 91. Д. 603. Л. 4.

¹⁷ Право. 20 октября 1912. № 42. Стб. 2451–2455.

¹⁸ Тарле Е. В. Общественные воззрения Томаса Мора в связи с экономическим состоянием Англии его времени. СПб., 1901.

¹⁹ Фишер К. Реальная философия и ее век. СПб., 1870.

²⁰ ЦГИАР ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 617. Л. 54; ЦГИА г. Москвы. Ф. 418. Оп. 91. Д. 603. Л. 6.

²¹ Кузнецов К. А. Английская палата общин при Тюдорах и Стюартах. Одесса, 1915.

²² «Южный край». 12 октября 1916. С. 4.

²³ Кузнецов К. А. Вступительные замечания к курсу государственного права, сделанные студентам 2-го курса Восточного института. Владивосток, 1912. Вып. 1. С. 20–21.

²⁴ Косминский Е. А. Роль русских историков в разработке истории Англии // Исторический журнал. 1941. № 10–11. (То же // Косминский Е. А. Проблемы английского феодализма и историографии Средних веков. М., 1963. С. 61–83.)

ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПАВЛА ОРОЗИЯ

Рождение христианской латинской средневековой историографии традиционно связывают с началом V века. Несмотря на то что первое историческое сочинение, написанное на латинском языке, из-под пера христианина вышло в царствование Константина Великого и его автором был знаменитый христианский апологет Лактанций¹, именно в начале V столетия испанский пресвитер Орозий предлагает новое прочтение всей мировой истории. Версия всеобщей истории, предложенная Орозием, легла в основу исторического образования средневекового человека, а его подходы к объяснению и изображению событий прошлого стали фундаментом для последующих поколений историков.

Поводом к написанию сочинения, которое автор назвал «Историей против язычников», послужили события лета 410 г., когда Рим был захвачен вестготами Алариха. Язычники города обвинили в случившейся трагедии христианскую религию, из-за обращения части римлян к которой от города отвернулись боги-покровители. Однако этим обвинения не ограничивались. Язычники стали говорить о том, что с появлением христианства история претерпела глобальные метаморфозы: мир все более погружается в жестокость, вокруг пожарища войн, а счастливые и великие времена канули безвозвратно. С ответом на эти обвинения выступил, во-первых, Аврелий Августин, начавший создание своего «Града Божьего», а во-вторых, Орозий, взявшийся за ремесло историка по просьбе Августина.

Самый замысел Августина и Орозия изначально не предполагал рассмотрения истории иначе как процесса прогрессивного. И действительно, история идет от грехопадения, через «бедствия мира» к приходу в мир Спасителя и торжеству христианства. Несмотря на двоякое отношение Орозия к дохристианским временам², христианская эпоха для него, безусловно, превосходит языческое прошлое. Доказательству своего исторического оптимизма посвящена каждая строчка его «Истории против язычников».